
ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ

С. С. Гусев¹

СИТУАЦИОННАЯ ЛОГИКА И «ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ»

Резюме: В статье обсуждается необходимость анализировать локальные ситуации, в которых реализуются интеллектуальные действия. Уточняются понятия «событие» и «ситуация». Обосновывается важность классификации ситуаций. В связи с этим производство человеческого знания характеризуется как соответствующее описание возникающих ситуаций, а само описание соотносится с построением «возможных миров». Прослеживается эволюция понятия «возможность» и рассматривается зависимость моделей «возможного мира» от используемого языка описания.

Ключевые слова: ситуация, описание, коммуникация, контекст, логика, рациональность, возможность.

Stanislav Gusev

SITUATIONAL LOGIC AND “POSSIBLE WORLDS”

Resume: The paper discusses the necessity to analyze the local situations in which the intellectual actions are realized. Such concepts as ‘event’ and ‘situation’ are specified. The importance of classification of situations is established. In this regard the production of human knowledge is defined as a process of describing the occurring situations. And this describing corresponds to construction of ‘possible worlds’. Evolution of concept of ‘possibility’ is observed. It is pointed out that models of ‘possible world’ are dependent on the language used for its description.

Keywords: situation, description, communication, context, logics, rationality, possibility.

Попытки построить полностью формализованные модели интеллектуальных действий человека привели к осознанию их существенной ограниченности. Надежда на создание «универсального алгоритма», позволяющего в единой стандартной форме представить любой класс задач, с которыми люди сталкиваются, а также все способы решения этих задач, сегодня осознается как утопичная. Тем более, что анализ многих познавательных ситуаций обнаруживает наличие в них информационных пробелов, которые приходится заполнять всевозможными гипотетическими допущениями, не всегда достаточно надежно обоснованными. В связи с этим многие авторы обращают внимание на необходимость учитывать особенности конкрет-

¹ Гусев Станислав Сергеевич, доктор философских наук, профессор.
Stanislav Gusev, Dr. Sc., Professor.

ных контекстов использования тех или иных форм и методов рассуждения, поскольку в разных случаях семантический контекст одной и той же логической структуры может существенно различаться. Особое значение приобретает логический анализ коммуникативных процессов, посредством которых организуются акты коллективных действий людей.

Интерес к выявлению и анализу конкретных реальных форм интеллектуальных действий выражает осознание динамичности современной социальной жизни. Взаимодействуя с окружающей действительностью (в первую очередь друг с другом), люди создают множество разнообразных ситуаций, определяющих цели и способы своих действий. И эффективность предпринимаемых усилий во многом зависит от того, насколько полно и адекватно каждый индивид осознает особенности возникшей ситуации. Это, в свою очередь, требует более четкого определения самого понятия «ситуация», поскольку оно постоянно используется в самых различных контекстах, не всегда достаточно совместимых друг с другом.

ПОНЯТИЕ «СИТУАЦИЯ». СТРУКТУРА И ТИПЫ СИТУАЦИИ

В одной из работ, связанных с этой проблемой, ситуация характеризуется как «совокупность объектов, обладающих свойствами и состоящих в отношениях друг с другом, а также связанных с определенной пространственно-временной структурой» [Вострикова, Куслий 2015]. Нетрудно увидеть, что речь здесь идет о совместном пребывании фиксированных объектов в определенном месте и в конкретном временном интервале, то есть об их «со-стоянии». Явно или неявно такой подход основан на понимании ситуации как формы проявления каких-то «универсальных сущностей», не связанных с особенностями человеческого восприятия. Однако сегодня множество разных исследований достаточно наглядно обнаруживает зависимость оценки возникшего положения дел (воспринимаемого как ситуация) от некоторых предварительных установок людей, взаимодействующих с окружающей средой, а также от способа языковой фиксации воздействий внешнего мира на человека. В результате одно и то же положение дел в мире может отображаться в субъективной реальности разных людей различным образом.

К тому же никакое реальное состояние не является абсолютно стабильным. Рано или поздно оно изменяется. Обычно переход от одного состояния к другому рассматривается как «событие». Поскольку люди в своей практике имеют дело с разными совокупностями объектов, к тому же находящихся в разных состояниях, постольку в качестве «ситуации» обычно характеризуется некоторое фиксированное множество событий. Интерес к анализу этого понятия постоянно растет. Определенную формализованную модель ситуации предложили, например, Дж. Барвайс и Дж. Перри, выделив такие ее характеристики как *тип* и *локус*. В рамках их подхода тип ситуации определяется *классом объектов*, включаемых в поле зрения людей, *набором свойств*, расцениваемых как «существенные», а также *формой отношений* между объектами. Пространственно-временной интервал, в котором фиксируются объекты, свойства и отношения, получил название «*локус*» [Барвайс, Перри 1987]. С этой точки зрения *событием* является реализация одного из типов ситуации в некотором конкретном локусе. В указанной работе Барвайс и Перри выделяют «*тотальный ряд событий*» (набор всех возможных состояний мира) и «*актуальный ряд*» (отдельные события, фиксируемые в одном из локусов).

Проявление элементов актуального ряда обусловливается наличием конкретных ограничений, блокирующих одни события и способствующих реализации других. Часть таких ограничений обусловлена типом языковой системы, используемой для описания ситуации. Следует учитывать то обстоятельство, что любое описание ситуации является некоторым знаком, лишь указывающим на «образ действительности», но не совпадающим по своему содержанию с самой реальностью полностью. Выделение каких-то характеристик внешнего мира в качестве «значащих» во многом мотивируется потребностями, желаниями и устремлениями людей. Сама мотивация человеческих отношений к окружающей действительности обусловлена такими субъективными установками как:

«я хочу» (здесь важную роль играют личные убеждения);

«я знаю» (в данном случае степень субъективных установок уменьшается, поскольку знание является результатом коллективных действий и на индивидуальную позицию существенно влияют принятые познавательные стандарты и коммуникативные правила);

«я умею» (степень воздействия внешних объективных факторов максимально усиливается, поскольку существенную роль здесь играют имеющиеся инструментальные средства и умение ими пользоваться).

Доминирование одной из таких установок обуславливает характер конкретной ситуации и, соответственно, влияет на способы описания и оценки получаемых результатов.

Сегодня ясно, что никакая форма знания не может претендовать на исчерпывающее изображение фрагментов действительности, на которые направлено внимание человека. Всегда обнаруживаются информационные лакуны, заполняемые часто искусственно конструируемыми «фикциями», от которых в дальнейшем надеются избавиться. Выстраивая «образ мира», исследователи исходят из неполной информации, а потому в дальнейшем приходится вносить какие-то коррективы в соответствии с новыми сведениями, полученными на каком-то шаге познания. Важно при этом иметь в виду, что перестраивать приходится описание не только «настоящего», но и «прошлого», которое переосмысливается в контексте новых представлений. В результате решения, считавшиеся оптимальными когда-то, в новых условиях могут оцениваться как «ошибочные». На каждом этапе действует (хотя и с разной степенью осознания) «иллюзия понимания» (см. [Канеман 2014]). Переоценка принятых решений во многом обусловлена тем, что сформированный «образ ситуации» не просто характеризует некоторое состояние мира, но и представляет собой определенную программу действий.

Например, описание наличной ситуации, выраженное утверждением «идет дождь», неявно обуславливает возможность различных способов поведения: «взять зонтик», «не выходить на улицу», «вызвать машину» и проч. Предпочтение одного из способов определяет характеристику ситуации, какой она представляется человеку. А это влияет на выбор языковых средств, с помощью которых ситуация отображается в знаниях. Сами по себе знаки, составляющие структуру языка, указывают либо на некие внеязыковые сущности либо на другие знаки данной системы. В последнем случае возникает возможность замещать один знак другим, что и обеспечивает переход от наглядно-образных изображений фрагментов реальности к их формализованным моделям. Между этими типами описаний всегда можно обнаружить промежу-

точные формы. Это обусловлено тем, что и наглядные образы мира и его формализованные модели являются элементами некой общей культурной системы, а потому их функционирование и развитие регулируют глубинные универсальные закономерности, хотя и проявляющиеся различным образом в разных ситуациях.

СИТУАЦИИ «АКТУАЛИЗИРОВАННЫЕ» И «ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ»

Создавая представление о наличной реальности, и конструируя возможные схемы своих действий, люди накапливают знание о ситуациях допустимых (а потому постоянно воспроизводимых) и ситуациях нежелательных, опасных. Поэтому речь должна идти не столько об «образе» сколько о «проекте мира». Совершая какие-то поступки, человек старается достичь результата, до поры существующего лишь в его сознании, в «возможном будущем». Действия людей всегда, так или иначе, направлены на организацию этого будущего [Серль 2004]. И какое-то положение дел, расцениваемое как «желательное», проецируется на время, которое еще не наступило. Конечно, исходя из каждой локальной (сиюминутной) ситуации, приходится периодически вносить в план действий определенные коррективы, обусловленные возникающими новыми потребностями. В одних случаях люди стремятся сохранить наличное положение дел, в других предпочитают заменить его каким-то иным.

Во многом это обусловлено спецификой исходных установок действующего индивида. Ориентация на фиксацию всех деталей какой-то отдельной ситуации отличается от усилий по достижению более общей цели, частным случаем которой является данное положение дел. Например, У. Куайн отмечал различие интенций таких утверждений как: «S хочет сохранить президентскую власть в стране» и «S хочет сохранить власть некоторого данного президента» [Куайн 2012]. Помимо целевых установок индивида, значение имеет и временной интервал, в котором реализуется какая-то ситуация. В одних случаях ситуация определяется осуществлением некой *конкретной возможности*, в других речь может идти о желаемом будущем, представление о котором опирается на *возможность абстрактную*.

Ситуация характеризуется как *актуализированная* тогда, когда фиксируется ее *конкретный тип в конкретном локусе*. В этом случае речь идет о непосредственно представленном в существующем знании описании определенного фрагмента реальности. Там же, где образ ситуации включает в себя *конкретные* объекты в «*абстрактном*» локусе или «*идеальные*» объекты, погруженные в *конкретный* локус — ситуация определяется как «*потенциальная*». Данное различие важно постоянно иметь в виду, поскольку языковое представление ситуации иногда ведет к смещению этих форм. Описываемая абстрактная возможность часто воспринимается в качестве уже реализованной. Этому способствует то, что языковые средства опираются на образную основу, причем образ воспринимается как «*подобие*» отображаемых объектов. Это характерно для обыденной и художественной форм практики. В отличие от них языки естественных наук строятся с помощью понятий, играющих роль «*замещения*» фрагментов реальности. В результате обеспечивается большая свобода манипулирования описаниями абстрактного характера, не обязательно связанными с реальными свойствами мирового устройства. Но при этом возникает необходимость специально обосновывать правомерность конструируемой формализованной модели ситуации, поскольку она не соотносится напрямую

с наглядными образами, скрытыми в ее основе. Решение данной задачи увеличивает число уровней языка, используемого для описания ситуации.

Кроме того, в научном познании важную роль играет создание всевозможных объяснительных схем. Объясняемые факты представляют собой наличную, зафиксированную ситуацию, тогда как всевозможные объяснения описывают ситуацию «какой он могла бы быть» при выполнении соответствующих условий. В истории науки не раз обнаруживалось, что одно и то же положение дел можно объяснить различным образом даже в рамках одного и того же концептуального подхода. Причем иногда разные объяснения оказываются принципиально несовместимыми (например, противоречившие друг другу концепции, описывающие в 19-м веке природу света). Еще больший разброс вариантов объяснения возникает там, где оно осуществляется вне сферы науки. Например, такое событие как падение яблока с ветки можно объяснить, используя закон всемирного тяготения, а можно указать на сильный ветер, сотрясавший дерево либо на перезрелость плода. Во всех этих случаях создаются образы разных ситуаций, хотя в них фиксируется одно и то же событие.

ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ. «ПРОБЛЕМЫ» И «ЗАДАЧИ»

Фиксируя в своих знаниях всевозможные события, люди рано или поздно начинают осознавать недостаточность имеющейся в их распоряжении информации. Такое осознание порождает особый тип ситуаций — «проблемные». С точки зрения логики проблема представляет собой требование заполнить обнаруженный пробел в знаниях соответствующей информацией. Такое требование выражено в виде вопроса. На специфику проблемных ситуаций в свое время обращал внимание К. Поппер [Поппер 2000]. Он считал, что создание различных вариантов описания ситуаций заставляет людей выбирать один из них, расцениваемый в каких-то сиюминутных условиях как наиболее подходящий. Естественно, что в разных условиях критерии, определяющие выбор, могут существенно меняться. Поппер исходил из того, что такой выбор не может полностью зависеть от субъективных установок и предпочтений отдельно взятого индивида. Должны быть какие-то объективные факторы, заставляющие разных людей действовать в одних и тех же ситуациях одинаковым образом. Такие факторы, считал Поппер, задает «проблемная ситуация», особенности которой, определяются в зависимости от того как:

- формулируется решаемая в некоторый данный момент проблема,
- создается план поисковых действий, связанных с ее разрешением,
- строятся предположения о возможных результатах поиска,
- задаются способы оценки соответствия планов и ожидаемых результатов поставленной задаче.

На первый взгляд, эти структурные элементы проблемной ситуации все же полностью зависят от субъективных соображений каждого отдельного индивида. Однако Поппер подчеркивает, что действия человека обусловлены как его знаниями о законах природы и социума (в котором он существует в данный момент), так и пониманием приемлемых для данного общества целей и способов их достижения, а также знанием о накопленном опыте разрешения всевозможных проблем в прошлом. Все подобные знания выражаются на теоретическом языке и организованы по универсальным законам логики, поэтому они не зависят от индивидуального произвола абсолютным образом. Именно это обеспечивает объективный характер

формулирования проблемной ситуации. Само указание на теоретическое знание, лежащее в основе проблемной ситуации, свидетельствует о том, что «проблема» всегда связана с поиском ответа на какие-то фундаментальные вопросы, определяющие глобальный характер человеческих действий. При этом нет гарантии, что искомые ответы обязательно будут найдены.

Но реальная практика показывает, что человек в своем взаимодействии с окружающим миром постоянно сталкивается и с необходимостью выбирать какие-то варианты ответа из уже имеющегося в коллективной памяти комплекса знаний. Вопросы подобного рода обуславливают *ситуацию решения задачи*. В отличие от проблемы, наличие ответа на которую не всегда гарантируется, задача обязательно имеет решение, которое необходимо лишь обнаружить. Структуру такой ситуации можно представить с помощью последовательности следующих шагов:

1. Формулировка вопроса (однозначное указание на обнаруженный информационный пробел).
2. Анализ «известного» (формулировка условий задачи).
3. Отбор необходимых данных.
4. Поиск возможных связей «известного» и «неизвестного».
5. Построение модели решения (пути от исходного вопроса к необходимому ответу);
6. Обоснование правильности найденного решения.

В последнее время некоторые математики стали допускать возможность существования особого типа задач, определяемых как «невозможные». В частности, на это указывает В. Успенский [Успенский 2010] Появление таких задач обусловлено целым рядом факторов. Наиболее явными среди них оказываются:

- обнаружение языковой ограниченности способа фиксации вопроса, в результате чего его однозначная формулировка оказывается затруднительной;
- принципиальная неполнота необходимых данных;
- слишком большой набор возможных альтернатив ответа, что препятствует эффективному выбору необходимого варианта
- чрезмерное обилие данных, обуславливающее громоздкую форму решения, уменьшающую надежность обоснования решения.

Ситуации, возникающие при столкновении с подобным типом задач, в определенной степени сходны с «проблемной ситуацией», хотя их появление указывает не столько на возможное отсутствие искомого ответа, сколько на трудности формулировки самого вопроса. По своей сути поиск решения задач представляет собой «лабиринтную» структуру, в которой исходные данные (условия) необходимо связать с заранее определенной целью (конечным результатом). В некоторых случаях такая цель в процессе поиска может явно или неявно заменяться какими-то альтернативными вариантами, однако при конструировании алгоритма действий она рассматривается как однозначно определенная и неизменная. Несмотря на указанные различия, разрешение обоих типов проблемной ситуации обуславливает расширение системы человеческих знаний.

ЗНАНИЕ КАК ОПИСАНИЕ СИТУАЦИЙ. ОПИСАНИЕ «ВОЗМОЖНОГО»

Любая форма знаний в самом общем виде представляет собой модель «субъектно-объектных» связей тех фрагментов действительности, которые входят в круг чело-

веческих интересов. Поскольку такие модели составляют содержание коллективного знания, выражаясь посредством какой-то языковой системы, постольку знание можно рассматривать в качестве описания ситуаций, с которыми люди сталкиваются при взаимодействии с окружающим миром. Вступая в контакт с объектами внешней среды, человек фиксирует их образы в своей памяти, присваивая им имена. Как показывают исследования специалистов в области палеолингвистики, имена формируются посредством указания на признаки объектов, оцениваемые как «существенные». Выделение таких признаков не только ведет к созданию первичных форм классификации (типа: «это зверь, а это птица»), но и к формированию целевых установок, определяющих характер человеческих действий («на этих можно охотиться, а этих следует опасаться»).

Впоследствии под влиянием таких установок возникают «образы-символы», с помощью которых формируются более сложные описания мира, определяющие семантику разных типов культуры. Например, орел начинает характеризоваться как «царь птиц» и его изображение превращается в государственный герб. Волк становится знаком жестокости, лиса — хитрости и т. д. Создаваемые образы регулируют коллективную деятельность людей, а потому чем дальше, тем больше при описании мира начинает осознаваться необходимость не просто фиксировать «данное положение дел», но и создавать образ *возможных последствий* реализованного «здесь и сейчас» действия. Полнота описания обеспечивается соединением актуальных и потенциальных ситуаций. Вследствие этого представление о «возможности» оказалось одним из важных элементов знания.

Описание «возможного события» зависит от таких модальных характеристик как «необходимость» и «случайность». *Необходимым* считается событие, которое *НЕ может НЕ произойти*, поэтому оно обязательно рано или поздно осуществится. *Случайное* событие *может НЕ произойти*. Для его появления должны сложиться некоторые особые условия. Полярной противоположностью «возможного» оказывается представление о «*невозможном*», характеризующее событие, которое *НЕ может произойти ни при каких условиях*. В реальности между этими модальностями нет абсолютно непреодолимой границы, поскольку оценки возможности по большей степени зависят от имеющихся знаний и предпочтений, то есть ситуативны по своей природе.

Описания ситуации становятся регулятором коллективных действий тогда, когда они транслируются от одних представителей данного общества к другим. Успешность коммуникативных процессов, создающих общую основу человеческих отношений к своей жизнедеятельности, определяется такими факторами как:

- наличие норм и стандартов языкового поведения, обязательных для любого члена данного сообщества;
- способности «субъекта-транслятора» передавать соответствующую информацию другим»;
- способность аудитории адекватно воспринимать и осмысливать получаемые сообщения.

Два последних фактора характеризуют меру *человеческих* возможностей, поэтому повышение эффективности производимых знаний предполагает достаточно явное различие возможностей «объективных» (характеризующих функционирование объектов среды, обусловленное их внутренней природой) и «субъективных» (связанных со способностью людей действовать определенным образом). Постоянное

усиление роли понятия «возможность» в структуре описаний действительности порождает необходимость рассмотреть эволюцию взглядов на его сущность, представленную в различных теоретических концепциях.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ВОЗМОЖНОСТЬ»

Представление о том, что помимо чувственно воспринимаемых сторон и свойств окружающего мира его устройство включает и некоторые «скрытые» сущности, формировалось с древнейших времен. В мифологических системах разных народов возникали образные средства, позволяющие различать такие стадии бытия мира как: «*способность стать*», «*возможность стать*» и «*ставшее*». Греческие мойры (в римской традиции «парки»), формы «эманации глубинной сущности» в древнем иудаизме и проч., выражали идеи о том, что непосредственная действительность, с которой человек сталкивается в своей повседневной жизни, есть результат проявления множества скрытых сил. Эти мистико-мифологические идеи стали рационально оформляться в мировоззренческих концепциях, создаваемых первыми философами. Наиболее полное воплощение они получили в системе взглядов Аристотеля, определявшего «действительность» в качестве «хранилища возможностей». Он создал целую сеть понятий, посредством которой описывал развитие мира как процесс превращения возможности в конкретные виды наличного бытия.

В *средневековой философии* глубинная мировая «первосущность» трансформировалась в образ Бога-Творца, стоящего над материальным миром и управляющего им «извне». С этой точки зрения Бог пребывает в «Вечности», олицетворяющей всю полноту возможностей. Некоторые из этих возможностей частично реализуются во множестве ситуаций, составляющих содержание «времени». Ф. Аквинский, Н. Кузанский и многие другие средневековые мыслители развивали представление о том, что «возможное» есть трансцендентная сторона действительности, предшествующая миру, с которым сталкивается человек в своей жизни. Такой взгляд стимулировал попытку хотя бы умозрительно проникнуть в глубинную природу мирового устройства.

В *Новое время*, вместе с возникновением такой формы познания как научное естествознание, вопрос о способе выявления «скрытых сущностей» выдвинулся на первый план. Источники возможностей создатели новой научной философии связывали либо с умением людей изобретать новые средства, позволяющие преобразовывать природный мир в соответствии с их практическими потребностями (философия эмпиризма) либо со «способностью ума обнаруживать истины, скрытые от человека» (философия рационализма). Крепло убеждение в том, что познание связано с *выявлением* возможностей, а практическое действие с их *использованием*. Особое внимание соотношению этих аспектов человеческой деятельности уже в 18-м столетии уделял Лейбниц, считавший необходимым различать *возможности мира*, воспринимаемые посредством чувств, и *возможности ума*, оценивающего чувственные восприятия. Он ввел понятие «возможного мира» как совокупности возможных состояний. При этом немецкий философ различал «абсолютную полноту возможностей» (составляющую содержание Божественного ума) и «локальное воплощение некоторых возможностей» в локальных мирах-монадах.

Многие фундаментальные установки Лейбница оказали существенное влияние на И. Канта. Однако для него центральной проблемой стал анализ возможностей,

определяющих интеллектуальную деятельность. Он поставил цель: выяснить условия, при которых осуществляются познавательные процедуры. Решая эту задачу, Кант предложил новую классификацию возможностей, выделив такие их виды как «логическая» (обусловленная априорными формальными правилами, организующими восприятие), «трансцендентальная» (задающая форму любого эмпирического восприятия и реализующаяся в *рассудке*) и «трансцендентная» (обеспечивающая *возможность реализации* любой формы). Ее Кант связывал с деятельностью *разума*. В связи с этим он разрабатывал концепцию таких различных видов разума как «чистый разум», посредством которого теоретик выявляет идеальные формы рассуждения, и «практический разум» действующий в сфере реального применения этих форм. Явно или неявно такой подход наметил многие идеи современной ситуационной логики.

Дальнейшее развитие идей о том, что источником возможности является некая духовная сущность, происходило в *классической немецкой философии*. Такие ее представители как И. Фихте и Ф. Шеллинг связывали возможность с различными этапами саморефлексии людей. С этой точки зрения человек, взаимодействуя с природной средой, постепенно обнаруживает свою способность преодолевать ограничения, налагаемые на него природными факторами, становится (пусть и с определенными ограничениями), но свободным от внешних «запретов». Шеллинг, в частности, особенно настаивал на том, что в природном мире действует лишь жесткая необходимость, тогда как мир человека — это «царство свободы». Правда он же отмечал, что абсолютная свобода на самом деле ограничивается существованием вокруг индивида «других людей». Разум одновременно и разрушает целостность человека и способствует восстановлению этой целостности. «Принцип потенцирования» для Шеллинга связан с тем, что человек осознает различие *ситуаций наличных* от тех, *которые «могут быть»*. Тем самым люди не только выявляют множество конструктивных элементов, но и обнаруживают возможности различного комбинирования этих элементов.

Самый знаменитый представитель классической немецкой философии — Г. Гегель отказался от взгляда на мир как на простую совокупность множества локальных проявлений возможностей, составляющих содержание неизменного духовного начала. Он стал рассматривать сам процесс становления этого начала, понимаемого им как «Абсолютный Дух». С его точки зрения, в основе всевозможных преобразований лежит постоянный конфликт, столкновение «возможности» и «действительности». Под действительностью Гегель понимал конкретное, временное «сиюминутное» состояние мира, тогда как возможности, с его точки зрения, выражали наличие множества иных состояний, что стимулировало переход от одной фазы мирового Бытия к другой.

В современных концепциях «возможность» связывается со стремлением людей реализовать одни проекты «будущего» и избегать других. Возможность из *абстрактной* характеристики бытия превратилась в его *реальную* особенность. Тем самым расширилось (и углубилось) содержание самого понятия «реальность», которое стало отличаться от «действительности». Особенно явно такой подход проявился в русской философии первой половины 20-го века. Такие авторы как С. Л. Франк, Н. О. Лосский, П. А. Флоренский настаивали на том, что чисто эмпирических средств недостаточно для того, чтобы раскрыть глубинную сущность мира, проявляющуюся в множестве возможностей, с которыми человек сталкивается в своей жизни.

УРОВНИ ОПИСАНИЯ СИТУАЦИЙ. СОЗДАНИЕ «ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ»

Осмысление природы «возможного» вело к осознанию того, что увеличение объема знаний не только увеличивает свободу человека, но и указывает на ее границы. Это способствовало формированию идеи «невозможного», отсутствовавшей в мифологическом сознании. Как известно, в воображаемом мире возможно все. Надо лишь отыскать нужное волшебное средство для преодоления возникшей преграды. Задача, связанная с необходимостью создания такого средства, обычно не возникала. «Волшебные палочки», «ковры-самолеты» и прочие подобные вещи где-то уже ждали героя. Развитие форм рационального сознания обусловило понимание того, что границы человеческих возможностей существуют, однако их можно каким-то образом преодолевать. Гегель, например, видел особенность человеческого разума в умении «обхитрить» природу, обходить налагаемые запреты. Но поскольку жизнедеятельность людей реализуется на различных уровнях, постольку успешность подобного «обхода» всегда зависит от того, как люди представляют себе ситуации, с которыми они сталкиваются.

В зависимости от степени осознания своих потребностей и возможностей человек выделяет те или иные детали окружающей действительности в качестве «значимых» и создает некий целостный образ, воспринимаемый как «окружающий мир». Цели могут быть разными, что обуславливает и различие образов одной и той же ситуации в рамках того или иного подхода. Комплекс этих образов составляет содержание «возможных миров», выражающих особенности уровня, на котором строится описание ситуации. В самом общем виде можно выделить следующие уровни.

Повседневно-бытовой: отбор деталей на этом уровне определяется влиянием обыденного сознания, ориентированного на решение повседневных задач. Описание «возможного мира» строится посредством обыденного языка и не ориентируется на точность и однозначность.

Рационально-теоретический: формируясь в рамках первых философских систем древности, такой подход становится доминирующим вместе с возникновением науки. Его развитие постепенно обнаруживает фундаментальное различие описаний, порождаемых эмпирическими и теоретическими формами познавательной деятельности. Это обусловлено тем, что познание не только расширяет и углубляет «картину мира», но и заставляет переосмысливать природу самих знаний. Ведь древние мыслители пытались описать не столько окружающую реальность, сколько *свои переживания* при столкновении с ней. Поэтому и создаваемые в прошлом образы мира опирались в основном на воображение, на фантазию. Даже рационально оформленные модели мироздания существенно определялись человеческими восприятиями. Например, астрономическая система Птолемея явственно выражала взгляд на соотношение Земли и Солнца с точки зрения земного жителя. Потребовались многовековые интеллектуальные усилия, обусловившие переход к качественно иному представлению. Считается, что первым шагом, обусловившим возникновение научного мировоззрения, стала гелиоцентрическая модель Коперника, в которой это соотношение рассматривалось с гипотетической позиции, допускающей возможность существования «внешнего» по отношению к человеческому миру наблюдателя.

На стадии «классической» науки сформировалось убеждение в том, что ученый должен лишь выявлять *возможности, скрытые в самой природе, не учитывая своего воздействия на окружающий мир*. Только при этом условии он может

производить «объективное» знание. В таком подходе «объективность» и «истинность» оказывались тождественными характеристиками. Не сразу стало понятно, что *объективное* описание представляет собой совпадение свидетельств различных наблюдателей и не всегда оказывается напрямую соответствующим тому, что происходит в самом природном мире. Лишь в последнее время все больше осознается то, что содержанием научных знаний становится описание *возможностей человека* взаимодействовать с объектами, входящими в сферу его интересов. Структура такого описания строится из разных систем языка. Помимо явно зафиксированных ситуаций оно содержит описание ситуаций возможных и ситуаций, которые признаются невозможными.

Частной формой общенаучного уровня является *дисциплинарно-профессиональный подход*. Специфика «возможных миров», создаваемых в его рамках, определяется стандартными нормами исследовательских действий, а также формой языков, используемых представителями конкретной научной дисциплины.

Особую роль в конструировании «возможных миров» играет *уровень художественных описаний*. Его специфика обусловлена образной природой языков искусства и существенной ориентацией на выражение эмоционального восприятия действительности. Кроме того, изображение ситуаций на этом уровне, не обязательно предполагает непосредственную связь с реальным миром, во многом являясь проявлением воображения художника.

Поскольку в мыслительной деятельности одного и того же человека могут быть представлены элементы каждого из перечисленных уровней, постольку при разработке ситуационного подхода в логике важно понимать то, как они связываются в структуре описания ситуаций.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ И РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОПИСАНИЯ

«Возможность» никогда не воспринимается человеком чувственно и непосредственно. Представление о ней формируется в результате рационального осмысления людьми фактов своего поведения в различных ситуациях. Со времен Аристотеля рациональное мышление рассматривается в качестве способности человека строить рассуждение по правилам логики. Не сразу стало понятно, что сами эти правила фундаментально связаны с характером человеческого восприятия воздействий на него окружающего мира. С этой точки зрения рациональное мышление является «внешним» обобщенным выражением глубинных способов фиксации множества ситуаций, с которыми люди сталкиваются в различных актах своей жизнедеятельности. Одной из наиболее важных (и древних) форм такой фиксации является «переживание». Человек в той или иной степени эмоционально реагирует на то, что происходит с ним в каждый данный момент. Наиболее значимые переживания становятся материалом интеллектуальной обработки. Традиционно считается, что эмоции разных людей (даже при совпадении ситуаций и явлений, вызывающих эти эмоции) всегда сугубо индивидуализированы.

Однако многие авторы не раз указывали на факторы, обуславливающие intersубъективный характер и сферы переживаний. Еще Л. Фейербах подчеркивал то, что чувства людей «окультурены» и этим отличаются от чувств животных. Культура задает границы переживаний, достаточно сходные для всех ее носителей. Поэтому уже в сфере эмоций зарождаются инвариантные формы, становящиеся затем

основанием структур логики. Поскольку на первых этапах человеческой истории именно эмоциональная сфера имела преимущественное значение для организации успешной коллективной жизни, постольку распространение индивидуальных эмоций в древних сообществах обеспечивалось такой поведенческой формой как «подражание». Но переживание в основном связано с локальными ситуациями, а потому подражание, как средство организации коллективного поведения, эффективно лишь в ситуациях «здесь и сейчас».

Расширение и усложнение общественной практики привело к необходимости как-то переживать ситуации *еще не возникшие, но возможные*. Представление об этих ситуациях формируется в отдельном индивидуальном сознании и для его трансляции подражание уже не может быть достаточно успешным, так как мысленный образ ситуации не воспринимается разными людьми прямо и непосредственно. Для «внешнего» представления такого образа постепенно стали использоваться различного рода знаки, на основе которых формировались первичные понятия. По сути именно они стали порождать в различных ситуациях соответствующие переживания отдельных членов сообщества, сходные по своему характеру. Такой известный исследователь древнего мышления как О. М. Фрейденберг, считала, что уже в античности культурное сознание было фундаментально понятийным [Фрейденберг 1978].

Абстрактные «отвлеченные» смыслы понятий базируются на конкретных образах, однако представляют их в обобщенном схематизированном виде и потому понятийные структуры инвариантны по форме, при всех внешних различиях культурных типов. Схематизация описаний ситуаций обеспечивает возможность их организации в систему всевозможных классов. В результате формируются переживания «второго порядка», поскольку эмоциональные реакции людей уже вызывают не сами конкретные события и ситуации, а имена классов, в которые эти события и ситуации включены. «Революция», «война», «прогресс», «застой» — все эти слова являются элементами абстрактных понятийных систем и, в то же время, воспринимаются вполне эмоционально представителями разных социальных групп, обуславливая их ситуативное поведение.

Но для освоения знаковых систем и их содержательной интерпретации потребовалось создание некоей системы правил, связывающих сферу эмоций с процессами интеллектуальными. Тем самым складывались предпосылки формирования различных типов рациональности. Ведь люди не только переживают ситуации, в которых они оказываются в какой-то конкретный момент, но и осознают их значимость для себя. В связи с этим представители одного из направлений неокантианства стали выделять в структуре описаний два типа высказываний: «фактологические» и «оценочные». Конечно, не обязательно оба эти типа всегда могут осознаваться в равной мере. Но анализ описаний ситуации, создаваемых различными людьми, должен выявлять их достаточно явным образом, поскольку каждому из этих типов соответствует свой способ рациональной организации описания.

Один из современных авторов предложил различать такие виды рациональности как «конструктивистская» и «экологическая». Первая связана с выявлением правил человеческого поведения и их анализом, не интересуясь причинами появления именно *таких, а не иных правил*. Решение вопроса о причинах составляет содержание второго типа рациональности [Смит 2008: 427–431]. Осознание правил, регулирующих человеческую жизнедеятельность, обусловило переход от эмоционально переживаемых ситуаций к категориальным моделям, обеспечивающим более надежные

способы коллективных действий. Такие модели обеспечивали создание систем идеологии, в которых необходимое (с точки зрения создателей данной идеологической системы) поведение теоретически обосновывалось как *обязательное для всех*.

Благодаря этому появилась возможность «автоматически» следовать транслируемым инструкциям, не осваивая их содержательных смыслов. Так формировался особый («технологический») стиль мышления. Его носители воспринимают окружающую действительность как «материал» для достижения поставленных ими целей. В рамках такого подхода природное окружение рассматривается в качестве «сырья» для преобразования его в какие-то формы, отсутствующие непосредственно в естественной среде, но соответствующие новым потребностям людей. Создавая проекты коллективных действий, носители технологического мышления описывают конкретный образ желаемого будущего. А потому переживание переносится с «образа возможных ситуаций» на *описание действий*, которые следует осуществить для воплощения этого образа в реальность. Эффективность инструкций по выполнению соответствующих процедур и операций, которые следует осуществить «здесь и сейчас» зависит от того, насколько однозначно выражены требования к исполнителю. Поэтому описание ситуаций в рамках технологического мышления приобретает все более формализованный характер. И сами такие описания все больше приобретают вид «технических заданий», с формальной точки зрения являющихся разнообразными задачами, которые следует решать.

Но необходимо учитывать, что рациональность различным образом проявляется в ситуации *выбора цели* и в ситуации *поиска способов ее достижения*. В первом случае строится описание «желаемого состояния мира», то есть подбираются высказывания, посредством которых выражается потребность сохранить или изменить некоторое существующее положение дел (то есть создается образ цели). Здесь рациональное мышление достаточно явно обуславливает действия человека, поскольку однозначное выражение цели во многом определяет успешность поисковых действий. Не зря математики считают, что хорошо сформулированная задача является наполовину решенной.

Во втором случае характер человеческого поведения зависит от описания комплекса возможных действий, среди которых необходимо выбрать наиболее эффективный способ, обеспечивающий получение нужного результата. Выбор предполагает знание всех элементов этого комплекса и понимание критериев, определяющих соответствующий выбор. Но понимание обусловлено образом ситуации, существующим в сознании человека. А такой образ не всегда отчетливо осознается и не всеми может быть рационально выражен и обоснован. Например, если кто-то во время застолья слышит вопрос соседа: «не можете ли вы передать мне соль?» и вместо ожидаемых от него соответствующих действий просто ответит: «могу», это будет свидетельствовать о несовпадении его образа ситуации с образом, существующем в сознании собеседника.

Адекватное взаимопонимание людей возможно лишь тогда, когда у каждого из них сложилось достаточно сходное понимание ситуации. Если, например, один студент предлагает другому пойти в кино, а в ответ слышит фразу: «мне надо готовиться к экзамену», то он воспринимает ответ как отказ, поскольку понимает состояние дел в их общем мире. Аналогичный по конструкции ответ «мне надо взять плащ» в данном случае будет означать для него согласие. Понимание обычно достигается там, где человек способен адекватно реконструировать «возможный мир»

своих собеседников и совместить их с «миром», носителем которого является он сам. И одной ориентации на грамматическую форму высказываний в таких ситуациях явно недостаточно.

К тому же анализ реальной коммуникативной практики обнаруживает значительное влияние на поведение людей скрытых (вторичных) смыслов высказываний, из которых конструируются всевозможные описания. Не всегда эти смыслы удастся представить явным образом, поэтому построить четкий алгоритм решения сложных задач весьма не просто. Реально человек чаще всего действует в ситуации нехватки информации. Поэтому так часто по ходу решения задачи могут отбрасываться варианты, казавшиеся ранее перспективными, может измениться само понимание изначальных условий и, в конце концов, меняется само представление об исходной цели. Это обуславливает необходимость периодической проверки осуществляемых шагов решения.

Не меньшее значение имеет и выявление *предсуппозиций* (предпосылок, обеспечивающих осмысленность высказываний, включаемых в структуру описания ситуаций). Такие предпосылки существенно влияют на выбор действий, предпринимаемых для достижения поставленной цели. Если решение задачи связано с необходимостью двигаться вперед, то требование «разрушить встреченное препятствие» будет принято как осмысленное лишь тогда, когда это препятствие существует на самом деле. Иначе это требование воспримется как «бессмысленное».

ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ И ВИДЫ «ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ»

Создавая описание ситуации, человек задает набор характеристик, определяемых им как «существенные». Понятно, что в реальной жизни общества одни и те же ситуации могут отображаться самыми различными способами, будучи представлены всевозможными знаковыми структурами. Совокупность таких структур можно рассматривать в качестве «языковой матрицы» используемой в любой культуре. Используя те или иные матрицы, люди конструируют «возможные миры». Когда-то Лейбниц использовал понятие «возможный мир», настаивая на необходимости видеть в реальности, с которой люди имеют дело в своей повседневной жизни, частное проявление какой-то глубинной сущности («поля возможностей»). Он полагал, что множество возможностей еще не реализовавшихся в мире вещей выявляются лишь интеллектом и могут выражаться с помощью символов. Идея определяющего влияния языковых средств на процесс расширения человеческих знаний долгое время находилась на периферии теоретического сознания. Однако на рубеже 19-го и 20-го веков (в связи с так называемым «кризисом науки») интерес к средствам возникновения и трансляции знаний вызвал «лингвистический сдвиг» в философии познания, что породило стремление к формализации «языковых матриц».

Попытки решить поставленную задачу во многом определялись убеждением в том, что мир определяется тем «что мы можем о нем сказать». Высказанная Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате», эта идея получила широкое распространение в 20-х годах прошлого века и во многом определила представление о границах языка как о границах мира. Витгенштейн утверждал, что используемые в описании предложения задают «каркас мира» (то есть общие рамки языковой матрицы), а потому так называемые «факты» есть лишь некоторое множество логически правильно построенных выражений какого-либо языка. С этой точки зрения

слова не описывают ситуацию, а *создают* ее картину. И всевозможные правила, организующие описание, играют роль дорожных указателей в лабиринте возможных путей, заданном языком. Все, что не может быть выражено достаточно определенно посредством принятого учеными языка, не может входить в содержание производимых ими знаний. «Невыразимое» составляет содержание сферы «мистики», к которой наука не имеет отношения.

Разрабатываемый Витгенштейном и его последователями подход потребовал введения критериев, позволяющих не только отличать «истинные» предложения от «ложных», но и отделяющих «возможное» от «невозможного». Стараясь оставаться в рамках разрабатываемой им программы, автор «Трактата» связывал возможность с осмысленностью используемых предложений (возможностью наделения создаваемых описаний каким-то смыслом). Оценка же «невозможно» с этой точки зрения обуславливается обнаружением внутренней противоречивости описания. Абсолютизация чисто формального признака (наличия противоречий в создаваемых описаниях) неявно определялась уверенностью в том, что созданная правильная картина ситуации не может в дальнейшем меняться, поскольку заданные правила организации описаний должны быть стабильны. Тем самым постулировалось, что из различных картин ситуации только одна какая-то должна расцениваться в качестве корректной. Однако оставалось неясным: чем обусловлена неизменность самих правил отбора описаний.

Попытки найти ответ на данный вопрос привели Витгенштейна к пересмотру своих позиций и отказу от программы, представленной в «Трактате». Его «Кембриджские лекции» (начала 30-х годов) и последующие «Философские исследования» (1936–1945 гг.) свидетельствуют о кардинальной смене программных установок. Видимо под влиянием процессов происходивших в науке того времени, Витгенштейн отказался от идеи структурной «самозамкнутости» языка и обратил внимание на «внешние» факторы, влияющие на способы различного использования языковых выражений. Поскольку теперь в качестве главного фактора стали «способы употребления слов», постольку язык стал рассматриваться не как заданный «набор возможных картин ситуации», а как деятельность по их созданию. Как полагал Витгенштейн, главным результатом описания должна становиться не сама «картина», а те ожидания возможных результатов, которые могли возникнуть при ее использовании.

Сам язык теперь трактовался как некоторая «игра», в которой использовались разные способы употребления слов и выражений. Тем самым стала допускаться (пусть и не напрямую) возможность создания разных описаний одной и той же ситуации. Например, указание на какое-то желаемое действие может выражаться в виде приказа, просьбы, аргументирующего убеждения, ориентировочного вопроса и т. д. Ясно, что все такие формы предложений выражаются с помощью слов, некоторые из которых могут присутствовать в каждом из этих предложений. Но важно осознавать при этом, что значение употребляемого слова или выражения меняется при его вхождении в различные смысловые контексты. Больше того, даже в выражениях воспринимаемых в качестве тавтологии, необходимо различным образом воспринимать одно и то же слово, стоящее в разных местах предложения. Известные всем утверждения типа: «Закон есть закон» или «Рациональна ли рациональность?» и т. п. являются тавтологиями лишь на первый взгляд. На самом деле они выражают различное семантическое значение повторяющихся слов, находящихся в начале и в конце предложения.

Возможность различным образом создавать картину (а в более точных типах языка — модель) ситуации обусловила понимание того, что языковая матрица культуры строится из языков различного типа и представляет собой многоуровневую структуру. Типы языков, составляющих содержание матрицы, обладают относительной автономностью, но детальный анализ позволяет обнаружить их глубинную связь. Обыденно-бытовые, художественные, научно-дисциплинарные картины ситуации могут казаться принципиально несовместимыми, но вряд ли можно абсолютным образом оторвать их друг от друга. В крайнем случае, соотношение между ними рассматривать с точки зрения проявления «принципа дополнительности». Во второй половине 20-го века внимание к таким особенностям межчеловеческой коммуникации обусловило формирование особого исследовательского подхода, получившего название «теория речевых актов». Возникший на стыке множества различных программ, этот подход вызвал определенное смещение интереса исследователей от семантической проблематики к прагматическому аспекту языковой деятельности, выявив важные аспекты описания действительности, ранее не попадавшие в поле зрения философов.

Наряду с попытками выявить скрытые содержательные нюансы коммуникативных действий, обеспечивающих реальную возможность коллективной жизнедеятельности людей, продолжались попытки выявления общих логических правил, регулирующих описание любых ситуаций. Подобная исследовательская ориентация базировалась на убеждении в том, что эту задачу можно решить, не выходя за структурные рамки языковых систем, используемых в различных описаниях. Широкое распространение получила программа, разрабатываемая Р. Карнапом и повлиявшая на многие направления в логике 20-го столетия. С точки зрения этого подхода полная конъюнкция всех истинных и ложных предложений, допустимых в каком-то языке, составляет «универсум языка». Тогда фиксированное определенным образом некоторое подмножество заданного универсума является «описанием состояния». Такое описание состоит из «правильно построенных» предложений, то есть структур, соответствующим следующим правилам:

— используемые в описании предложения должны быть представлены либо в истинной либо в ложной (т. е. в виде отрицания истины) форме. Одновременное использование обеих форм недопустимо. Тем самым выполняется «принцип непротиворечивости описания».

— Одни и те же предложения не могут присутствовать в одном описании несколько раз, повторы необходимо устранять. Данное правило связано с необходимостью компактности описаний.

— В описании следует использовать все допустимые в данном языке предложения, относящиеся к «существенным» характеристикам ситуации. Тем самым соблюдается «принцип полноты описания».

Оценка существенности тех или иных особенностей ситуации связана с так называемыми «внешними» вопросами используемой языковой системы. Такие вопросы требуют определения того, что воспринимается в каждом конкретном случае в качестве «ситуации», «событий» и проч. С «внутренними» вопросами системы Карнап связывал поиск средств языка, посредством которых можно представлять соответствующие ситуации и их характеристики. Однако различие этих видов вопросов в рамках такого подхода оказывается условным, поскольку «внешние» вопросы тоже определяются не какими-то внеязыковыми факторами, а особенностями

используемого языка. Принять «мир вещей» для Карнапа означало выбор определенных языковых структур, а не «веру в то, что этот мир на самом деле существует» [Карнап 1959].

Подобный подход предполагает, что в используемой системе языка присутствуют все имена, необходимые для построения описаний ситуации. Кроме того, логические значения всех предложений этого языка могут быть строго определены. Однако в реальной практике эти условия часто оказываются невыполнимыми. Фиксируя некоторое положение дел в мире (неважно, в реальном или воображаемом), люди исходят из неполного знания обо всех элементах события, на которое обращено их внимание. Образ (как и модель) ситуации обычно строится на основе неполной и не целиком достоверной информации. Обнаруживаемые впоследствии новые данные обуславливают изменение в понимании характера ситуации и ведут к переоценке важности ее характеристик. Такая переоценка часто обусловлена и изменением человеческих целей, намерений, умений действовать и т. д.

Осознание данного обстоятельства вызвало потребность в создании разных (сосуществующих в какой-то период времени) вариантов описания, что обеспечивало бы при необходимости переход от одних к другим. В результате внимание логиков вновь обратилось к идее «возможных миров». Взаимодействие людей с реальными «внеязыковыми» сущностями осуществляется в условиях возникновения и смены множества различных ситуаций. Конструируя планы необходимого действия, прогнозируя возможные результаты, заменяя одни ожидания другими — человек оказывается в разных «возможных мирах» и потому должен иметь в своем распоряжении «заготовки» описаний ситуаций с которыми он еще не сталкивался, но которые могут возникнуть в какой-то определенный момент. Поэтому представление языка описания, как заранее заданной полной конъюнкции всех возможных предложений, оказалось слишком абстрактным. Необходимо было отобразить действия *выбора* различных подмножеств в универсуме языка.

«ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ» И СОВРЕМЕННАЯ ЛОГИКА

Такую модель предложил финский логик Я. Хинтикка, в работах которого проблема «возможных миров» стала одной из главных тем (см. [Хинтикка 1980]). В качестве объекта описаний Хинтикка стал рассматривать не «мир», а «ситуации в мире». Он считал, что поскольку сами описания могут создаваться в рамках различных подходов, постольку представления их в виде простой конъюнкции предложений, допустимых в некотором избранном языке, недостаточно. Реально люди в одних ситуациях выбирают одни группы предложений, в других предпочитают другие. Поэтому необходимо изображать отношения между разными вариантами конъюнктивных наборов с помощью такой логической операции как дизъюнкция. В этом случае даже несовместимые друг с другом описания не порождают противоречия. Входя в одну общую систему (Хинтикка определял ее как «модельное множество»), они могут быть реализованы в разных ситуационных рамках. При изменении условий один из вариантов перестает применяться (убирается в «запасники»), но не отбрасывается как «абсолютно недопустимый». Замена одних элементов модельного множества другими оказывается возможной, поскольку все они находятся в отношении альтернативной «дополнительности» друг к другу. Выбор адекватного «возможного мира» зависит от задачи, которую ставит перед собой автор.

Характер же самой задачи выражает определенное отношение человека к некоторому конкретному положению дел в мире. Достаточно ли адекватно он понимает план действий, которые могут привести к желаемой цели; верит ли в их успешность; обладает ли умением в случае необходимости заменять одну цель другой — все эти соображения влияют на создаваемый им образ ситуации. Несмотря на теоретическую равноправность «возможных миров», реально одни описания выбираются чаще, нежели другие. Учитывая данное обстоятельство, Хинтикка предложил выделять альтернативные классы описаний ситуаций. Одни из них, с его точки зрения, обусловлены характером языка, используемого при конструировании «возможных миров», другие должны соотноситься с какими-то внеязыковыми сущностями.

Эпистемические альтернативы. а) Разные формальные способы изображения ситуации (слова, формулы, рисунки, чертежи и т. д.). б) Описания, выражающие степень знаний о состоянии дел в мире. Одни люди обладают определенной информацией о состоянии дел в мире, но не могут вывести из нее соответствующие следствия. Другие понимают и возможные изменения ситуации. Оба эти подкласса дополнительны друг к другу.

Логические альтернативы. Элементы этого класса взаимно несовместимы. Здесь также выделяются два подкласса. а) Описания, имеющие различное логическое значение (одни из них истинны, другие ложны). При изменении контекста действий может меняться и оценка значения каждого из них. Одновременное использование противоречащих описаний в качестве равноценных не допускается. б) Особый подкласс составляют «невозможные» (внутренне противоречивые) описания. Он обозначается как «L-пустой».

Фактуальные альтернативы. а) Описания, включающие воображаемые характеристики, не обнаруженные в реальном мире. Это «возможные миры», созданные фантазией автора. Они могут не быть внутренне противоречивыми (не являются L-пустыми), но оказываются «F-пустыми». б) Описания, соответствующие известным свойствам реальности. Они отличаются друг от друга разными оценками существенности используемых в них признаков.

В результате реально создаваемые описания ситуаций распределяются по следующим вариантам:

1. F не пуст, L не пуст (например, описание скачки лошадей).
2. F-пуст, L не пуст (описание кентавров).
3. F-пуст, L-пуст (описание «круглого квадрата»)

Кроме того, на образ ситуации влияют и такие модальные характеристики, как «возможность» и «необходимость». Описание оценивается как «возможное» тогда, когда входящие в описание свойств реальности *пока* не зафиксированы (что в определенной степени соответствует варианту 2), но теоретически предполагается их обнаружение в каких-то условиях. Оценка описания как «необходимого» реализуется там, где использованы реальные характеристики ситуации определяемые как «существенные». Нетрудно увидеть, что программа, предложенная Хинтиккой, задает не столько типологию «образов ситуаций», сколько классификацию «инструкций» по созданию таких образов. По крайней мере, именно так он и характеризует свой подход в статье «Ситуации, возможные миры и установки» [Хинтикка 1990].

Взаимодействуя с окружающей действительностью, люди для достижения разных целей используют множество различных же описаний, которые могут меняться в процессе достижения поставленных целей. Поэтому динамика реальной жизни людей не может регулироваться заданными раз и навсегда программами и алгоритмами. И традиционные логические схемы рассуждения отображают лишь самые общие контуры интеллектуальных действий. В каждой конкретной ситуации такие схемы явно или неявно приспособляются человеком к ситуативным условиям и порой даже ошибочные, с точки зрения строгого логического подхода, поступки приводят к желаемому результату скорее, нежели неукоснительное следование заданным правилам. Тогда как неукоснительное следование всем существующим инструкциям может порождать затруднительные ситуации. Когда-то академик Колмогоров, один из крупнейших отечественных математиков, видел недостаток создаваемых в то время ЭВМ в том, что они «идиотски логичны».

Дальнейшая разработка проблемы «возможных миров» постепенно обнаруживала зависимость описаний положения дел в окружающей действительности от внутреннего состояния автора описаний. Страх, недоверие, радость, безразличие — все подобные эмоциональные реакции на внешнее воздействие различным образом влияют на характер создаваемых человеком «возможных миров». К тому же исследователи стали осознавать и неоднородность самого класса создаваемых описаний. Отображение реально фиксируемого положения дел в мире существенно отличается от описания ситуаций еще не реализованных (представленных в образных мирах, создаваемых художником, или в гипотетических моделях ученого). В результате «возможные миры» все больше стали восприниматься в качестве выражения именно внутренних состояний людей. Е. Д. Смирнова в частности отмечает важность различения таких установок человека как «знание», «мнение», «вера» [Смирнова 2000].

Сегодня достаточно ясно, что поведение людей определяется не столько самой так называемой «действительностью», сколько человеческими представлениями о ней, поэтому необходимо постоянно иметь в виду, что «мир», с которым люди постоянно имеют дело, предстает перед ними в виде некоего набора «сценариев», из которых создаются описания ситуаций. На их основе формируются образы желаемых результатов, формулируются цели, строятся планы действий и т. д. Поэтому разработка ситуационной логики предполагает выявление и анализ закономерностей, определяющих отношения между различными «возможными мирами». *В современной логике эта задача определена как «проблема достижимости».*

Имея дело с различными описаниями некоторого положения дел, человек не всегда может осознавать, что речь идет об одной и той ситуации. Но и там, где обнаруживается определенное сходство фрагменты описаний, приходится решать вопрос о степени их совпадения. Для определения этой степени необходимо выявить в содержании каждого из сопоставляемых «возможных миров» наличие одних и тех же элементов. В рамках формально-логического подхода данная задача определяется как поиск так называемых «жестких десигнаторов», то есть имен, употребляемых при различных описаниях в одном и том же значении и смысле. Решение такой задачи столкнулось с трудностями, вызванными различным пониманием того, что такое «имя». Попытки рассматривать имя в качестве описания всех характеристик объекта, на который имя указывает, достаточно быстро обнаружили существенную неопределенность подобного подхода. В самом деле, разные люди, употребляющие одно и то же имя и имеющие в виду одного и того же носителя имени, могут ориен-

тироваться на различные признаки данного объекта. Например, для одних имя Шекспир связано с автором трагедии «Гамлет», тогда как другой имеет в виду мужа определенной женщины, а третий — актера театра «Глобус». И может быть так, что тот, кто знает трагедию «Гамлет», не подозревает о существовании жены Шекспира.

И даже при достаточно полном (на некоторый данный момент) знании об объекте отбор признаков, определяющих его включение в описание, всегда обуславливается контекстом восприятия ситуации автором описания. А это восприятие никогда не бывает абсолютно одинаковым для разных людей. Кроме того, такая характеристика как «автор “Гамлета”» не связана необходимым образом с человеком, носящим имя Шекспир. Он ведь был носителем этого имени и до того, как написал знаменитую трагедию. Таким образом, разные «возможные миры», в которых встречается имя Шекспир, вовсе не обязательно однозначно соотносятся друг с другом. Иногда они могут быть недостижимы друг для друга. Наконец, следует учесть и то, что в реальной мыслительной практике людей используются и имена, вообще не соотносимые ни с каким реальным референтом (в качестве примера Фреге приводил выражение «самое удаленное от Земли тело во Вселенной»). Существуют и имена, указывающие не на определенный индивидуализированный объект, а на целый класс объектов, не тождественных друг другу (например, «небесное тело»). Идея о введении индивидуализирующей функции для каждого отдельного имени не получила распространения, поскольку ее реализация предполагала создание слишком громоздких описаний, что сделало бы межчеловеческое общение чересчур сложным.

Другой подход к раскрытию сущности имен разработывал С. Крипке, видевший в имени не совокупность перечисляемых признаков описываемого объекта, а указание на способ употребления этого имени. С этой точки зрения важнейшим средством оценки совпадения описаний (по крайней мере, каких-то их фрагментов) стало совпадение контекстов, с которыми данное имя связано [Крипке 1986]. Конечно, такой подход не решал задачу радикальным образом, но в его рамках становилось возможным представить отношение достижимости миров средствами формального языка. При рассмотрении объекта как некоторого множества предложений, «возможный мир» можно определить через систему таких множеств, упорядоченных какими-то типами связей. Тип связей задает набор возможностей, реализуемых в каждом из «миров». Тогда их сопоставление должно проводиться посредством анализа связей, задающих отношения между подмножествами в каждом из них. И тождество таких связей (хотя бы между какими-то частями каждой из систем) позволит оценивать степень достижимости описаний относительно друг друга.

Совпадение предложений, имеющих одинаковое значение и входящих в содержание различных описаний, в какой-то мере позволяет судить о достижимости создаваемых «возможных миров». Тем не менее, вряд ли можно говорить об исчерпывающем решении проблемы «жестких десигнаторов». Но, даже учитывая условность оценок совпадения описаний, оказывается возможным выделить некоторые условия, при которых сопоставляемые «миры» характеризуются как «достижимые»:

1. Возможность найти «промежуточные формы» (медиаторы), позволяющие переходить шаг за шагом от какого-то фрагмента одного «мира» к соответствующему фрагменту другого «мира» без разрывов и пустых промежутков.
2. Обнаружение в каждом из «миров» одинакового типа связей, упорядочивающих отношения между их структурными элементами.

3. Обоснование тождества контекстов, в которых употребляются одни и те же имена в разных «мирах».

Степень установленной достижимости может оцениваться различным образом:

1. Достижимость может быть взаимной (можно переходить от одного «мира» к другому в любом направлении).

2. Достижимость может быть односторонней (из «мира₁» можно перейти к «миру₂», но не наоборот. Возможен вариант, в котором из «мира₂» можно перейти к «миру₁», но не наоборот).

3. Миры недостижимы относительно друг друга.

С точки зрения содержательной интерпретации «возможных миров», как описаний некоторого состояния дел в мире (ситуаций), указанные типы достижимости характеризуют: а) соотношение конкретных текстов (в частности, возможность перевода текста, представленного на одном языке, на другой язык), б) степень их понимания (в более широком смысле — взаимопонимания людей). В этом случае взаимная достижимость свидетельствует об эквивалентности (но не о тождественности) текстов. Односторонняя достижимость указывает либо на вхождение одного текста в другой в качестве его элемента (например, при цитировании) либо о том, что один текст логически выводим из другого. Ясно, что заключение следует из посылок, но из наличия заключения непосредственно установить предшествующие ему посылки не всегда возможно. Разнообразие отношений между способами описаний событий демонстрирует невозможность найти алгоритм, раз и навсегда задающий способ отображения ситуаций, с которыми человек сталкивается в процессах своей жизнедеятельности.

Выявление скрытых смыслов и неявных предпосылок происходит в рамках рационального мышления и является одной из важных функций ситуативной логики. «Классическая» логика оформилась в русле попыток создать некий «универсальный» язык, с помощью которого можно было бы сформулировать любую задачу и однозначно описать алгоритм любого решения. Сегодня ясно, что эта цель в абсолютном виде вряд ли разрешима. Реальное взаимодействие людей друг с другом и с окружающей действительностью осуществляется во множестве самых разнообразных ситуаций. А потому вместо конструирования универсального описания «положения дел в мире» (задача, которую когда-то поставил Карнап), современный исследовательский поиск направлен на создание локальных ситуативных описаний и поиск возможных соотношений между ними («достижимости миров»). Сдвиг в ориентации современной логики обусловлен еще и тем, что одного изучения языковых средств, используемых при создании различных описаний, уже недостаточно. Важно понять какие последствия в самой «внеязыковой реальности» вызывает использование тех или иных вариантов «возможных миров».

В такой смене ориентаций проявляется определенная закономерность развития логики вообще. В самом деле, первый этап этого развития был связан с активным анализом синтаксических особенностей языковых систем. На втором все большую значимость приобретала семантическая проблематика. Сегодня же в центр внимания исследователей активно выдвигается «логическая прагматика», в рамках которой выявляются не законы функционирования языка «самого по себе», а изучается связь знаковых систем и их пользователей. Одной из важнейших задач, стоящих

перед ситуационной логикой, является обнаружение оснований для перехода от *описания* ситуации к *предписанию* действий, необходимых для достижения целей, обусловленных возникшей ситуацией. Сама форма описания достаточно жестко может определять комплекс человеческого поведения. Но верно и обратное: осуществляемые действия задают определенные схемы, посредством которых изображаются в каждый данный момент возникшее положение дел. Подобная циклическая взаимосвязь разных типов описания и обуславливает динамику практического взаимодействия людей с окружающей действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Барвайс, Перри 1987 — *Барвайс Дж., Перри Дж.* Ситуации и установки // *Философия, логика, язык*. М., 1987.
- Вострикова, Куслий 2015 — *Вострикова Е. В., Куслий П. С.* Формальная семантика естественного языка как вызов и альтернатива лингвистическому релятивизму // *Вопросы Философии*. 2015, № 9.
- Канеман 2014 — *Канеман Д.* *Думай медленно, решай быстро*. М., 2015.
- Карнап 1959 — *Карнап Р.* *Значение и необходимость*. М., 1959.
- Крипке 1986 — *Крипке С.* Загадка контекстов мнения // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVIII, М., 1986.
- Куайн 2012 — *Куайн У.* Кванторы и пропозициональные установки // *Эпистемология и философия науки*, 2012, т. XXIII, № 4.
- Поппер 2000 — *Поппер К.* *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук*. М., 2000.
- Серль 2004 — *Серль Д.* *Рациональность в действии*. М., 2004.
- Смирнова 2000 — *Смирнова Е. Д.* *Логика и философия* // *Вопросы философии*, 2000, № 12.
- Смит 2008 — *Смит В.* *Экспериментальная экономика*. М., 2008.
- Успенский 2010 — *Успенский В.* *Апология математики*. СПб., 2010.
- Фрейденберг 1978 — *Фрейденберг О. М.* *Миф и литература древности*. М. 1978.
- Хинтикка 1980 — *Хинтикка Я.* *Логико-эпистемологические исследования*. М., 1980.
- Хинтикка 1990 — *Хинтикка Я.* *Ситуации, возможные миры и установки* // *Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах*. Новосибирск, 1990.